

ВЫСШИЕ ЦЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВОЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

Аннотация. Действующая в Российской Федерации Конституция налагает запрет на существование государственной идеологии.

Эта норма дает основание для политической и научной дискуссии по проблеме тождественности понятий «государственная идеология» и «высшие ценности государства» а также возможности и формы нормативного закрепления ценностных оснований государственности.

Игнорирование аспектов духовной и национальной ориентированности государства таит в себе потенциальную угрозу государственной целостности и национальной самобытности России.

Ключевые слова: государство, право, цивилизация, конституция, вариативность.

© V. Klychnikov

THE MAXIMUM VALUES OF THE STATE: A PROBLEM OF PARITY LEGAL AND CIVILIZED VARIABILITIES.

Abstract. The Constitution operating in the Russian Federation imposes an interdiction on existence of the state ideology.

This norm gives the basis for political and scientific discussion on a problem of identity of concepts « the state ideology » and « the maximum values of the state » and also opportunities and forms of normative fastening of the valuable bases of statehood.

Ignoring of aspects spiritual and national orientation of the states conceals in itself potential threat of the state integrity and national identity of Russia.

Key words: state, right, civilization, constitution, variability.

Действующая в Российской Федерации Конституция налагает запрет на существование государственной идеологии.

Эта норма дает основание для политической и научной дискуссии по проблеме тождественности понятий «государственная идеология» и «высшие ценности государства», а также возможности и формы нормативного закрепления ценностных оснований государственности.

В условиях глобализации часть политических элит провозглашает концепцию существования универсального наднационального права, реализующуюся через принятие различных международных хартий, закрепляющих общие принципы такого права и имеющие приоритетный по отношению к национальному праву характер.

Принятие подобных документов обосновывается представлениями о существовании естественных прав человека, имеющих абсолютный универсальный и внеидеологический характер.

Подобная посылка, однако, не умаляет верности замечания, сделанного В.И. Якуниным в статье, посвященной проблемам Российской Конституции, о том, что «в конституции игнорированы аспекты духовной и национальной, ориентированности государства,

которые играют важнейшую роль в консолидации общества», и что подобное игнорирование таит в себе потенциальную угрозу государственной целостности и национальной идентичности России [3, 4].

Одним из серьезных аргументов процесса глобализации права в современном мире являются «стандарты прав человека, которые однообразно закрепляются в новых конституциях в соответствии с международными пактами о правах человека 1966 года» [2, 3].

В современном мире насчитывается чуть более 200 суверенных государств, и свыше 90% из них имеют собственные конституции. Конституция воспринимается нами как основной закон и база всей нормотворческой деятельности государства, документ, задающий принципы функционирования общества. Механическое, без детального анализа соединение этих двух фактов как будто бы позволяет сделать вывод о существовании некоего наднационального правового феномена. Но если подвергнуть это явление ретроспективному и компаративистскому анализу, станет очевидно наличие выраженной национальной специфики не только в прошлом, но и в настоящем. За общим термином скрываются документы, весьма различные по своему смысловому наполнению.

В подавляющем большинстве стран конституция представляет собой один единый документ (т. н. консолидированная конституция). Но вот объемы этого документа разнятся существенно. Конституция Индии содержит 395 статей и вместе с приложениями представляет собой внушительную книгу объемом почти 450 страниц [4]. Напротив, Конституция Йемена содержит в себе 57 статей и легко умещается на восьми страницах [5]. Так же компактны конституционные акты Саудовской Аравии (82 статьи и 9 страниц объема) [6] и Омана (81 статья на 10 страницах) [7]. При этом вряд ли возможно говорить о существовании каких-то однозначных тенденций, связанных с региональным расположением, уровнем социально-экономического развития, чем формой правления. Нигерия – страна с очень скромным уровнем экономического развития и одним из высочайших уровней коррупции в мире, обладает, тем не менее, весьма внушительной Конституцией, содержащей 331 статью, объемом в 160 страниц [8]. Конституция Японии, содержащая 103 статьи, умещается на 14 страницах [9]. Конституция Республики Франции также невелика по объему – 131 статья на 22 страницах текста [10]. Примерно так же обстоит дело и в Норвегии. Конституция этого королевства состоит из 112 лаконичных статей, занимающих в общем 17 страниц [11]. Но этот факт не дает нам оснований связывать объем документа с формой правления. Всем хорошо известно, что Конституция «ведущей демократии планеты», «единственной сверхдержавы современного мира» – Соединенных Штатов Америки состоит всего из 7 статей и вместе со всеми поправками (общим количеством 27) занимает около 20 страниц [12]. Такая же ситуация и в отношении структур этих основополагающих для национальных правовых систем документов. Говорить о наличии каких-либо значимых тенденций не приходится, поэтому ограничимся лишь несколькими примерами: Конституция Нидерландов состоит из 8 глав, содержащих 142 статьи и дополнительные статьи [13]. Конституция Бельгии – 9 частей, содержащих 198 статей [14]. Конституция Аргентины состоит из преамбулы, 2 частей, разделенных на 129 статей [15]. Политическая конституция Республики Боливия состоит из 4 частей, поделенных на 224 статьи, и дополнительного положения [16]. Конституция Египта содержит конституционную прокламацию и семь глав, включающих 211 статей [17]. В то же время Конституция Королевства Марокко состоит из преамбулы и 13 глав, поделенных на 108 статей [18]. Показательным в данном случае будет пример Германии и Франции – двух соседних государств со сходными уровнем социально-экономического развития и политическими режимами. Французская Конституция состоит из преамбулы, 10 разделов, включающих 89 статей, и содержит отсылки к Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и преамбуле Конституции 1945 г. [19] Основной закон Федеративной республики Германии состоит из преамбулы и 14 разделов, включающих в себя в общей сложности 146 статей [20]. Существуют и более наглядные

примеры. Два из восьми государств-членов «Большой восьмерки» – клуба наиболее развитых государств мира вообще не имеют консолидированной конституции. В Канаде под Конституцией понимается свод актов, британских законов, судебных решений и т. п. Двумя основными документами считаются Акт о Британской Северной Америке 1867 г. и Акт 1982 г., установивший, что все законы в Канаде будут приниматься только канадским парламентом. В самой Великобритании конституция также не существует в виде отдельного документа и носит, как говорят специалисты «комбинированный характер». По разным оценкам, число только конституционных законов колеблется от 10 до 350.

Некоторые аспекты, относящиеся к предмету конституционно-правового регулирования, вообще никак нормативно не закреплены. Существующее в Великобритании правило проводить всеобщие выборы по четвергам не имеет формально-правового закрепления и опирается исключительно на традицию.

Очевидным, не требующим развернутого комментария, является тот факт, что политические системы стран разнятся между собой и, как следствие этого, разнятся способы принятия конституций, органы конституционного контроля, способы внесения изменений в конституцию, системы формирования и функционирования органов государственной власти.

Выше мы остановились на некоторых аспектах различий формального содержания Конституций в различных странах. Приведенные примеры показывают, что под термином «основной закон» скрываются документы, серьезно разнящиеся по объему, структуре, механизмам легализации и легитимации. При этом даже в странах, лежащих в рамках одного цивилизационного ареала конструкции «основных законов» отдельных стран имеют выраженную национальную специфику. Не менее наглядно подобная тенденция прослеживается и при анализе сущностного содержания данных документов.

Рассуждая о своеобразии национальных конституций, было бы неправильно игнорировать существование объективных процессов определенной унификации конституционного строительства.

Процессы глобализации, научно-техническая революция и связанный с ней феномен глобального информационного общества многократно повысили уровень соприкосновения культур. Всё это привело к серьезным, особенно во второй половине XX века, изменениям в гуманитарной сфере, затронувшим в том числе и право. Мировое сообщество в целом достигло согласия по вопросам понимания гуманистических ценностей. Это выразилось, прежде всего, в консенсусе по проблеме определения перечня основных прав и свобод человека, закрепленном в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и Международном пакте о гражданских и политических правах, разработанных под эгидой ООН в 1966 году. Не говоря уже о европейских и латиноамериканских государствах, входящих в ареал христианской культурной традиции, стандартный набор прав человека содержится, несмотря на разницу в формировании, в рамках исламской культуры и в конституциях стран исламского фундаментализма. По мнению некоторых исследователей, ситуация с правами человека является частным случаем общего сближения правовых систем, в том числе и в сфере конституционного права и связана с взаимовлиянием Запада и Востока, Севера и Юга [2, 6].

Со времен принятия Американской Конституции и Декларации прав и свобод человека и гражданина во Франции, созданных под влиянием либерально-индивидуалистической концепции, произошло расширение и качественное изменение объекта конституционного правового регулирования.

Теперь сфера конституционного права – это не только личность и власть, не только организация государства. Сегодня в этой сфере равноправными партнёрами выступают личность, коллектив, государство, общество. И в этих условиях «конституционное право

сегодня регулирует основы (принципы) социально-экономической структуры общества, его политической системы и духовной жизни, обеспечивая условия для осуществления государственной власти, борьбы за неё, участия в ней социальных и иных общностей, а также личностей» [2, 27]. Именно в этих целях в конституциях мира устанавливаются основы правового положения личности, человека и гражданина.

Но равнозначна ли объективно существующая тенденция расширения объекта конституционно-правового регулирования и отказ от национальных традиций и национальной самобытности, национального суверенитета? Конечно же, нет. Например, Конституция Камбоджи, – «королевства с королём, который должен управлять согласно конституции и принципам либеральной демократии и плюрализма», содержит отдельные главы, посвященные экономике, образованию, культуре, социальным делам [21]. Но при этом с принципами «либеральной демократии» у камбоджийцев соседствуют возможность и необходимость государственного планирования добычи и переработки большинства видов природных ресурсов, возможность участия государства в ценовом регулировании на продовольственном рынке, обязательство государства по распространению и развитию Буддистских институтов [21].

Конституция народно-демократической республики Лаос, принятая в 1994 году, также содержит отдельную главу: социально-экономическая система. Среди прочих принципов в ней содержится положение об обязанности государства «развивать и расширять прекрасную традиционную культуру нации», защищать «святыни нации» [22].

Определенную разницу в понимании пределов и способов правового регулирования общественных отношений можно было увидеть и в проведенных выше примерах.

В той же Конституции Саудовской Аравии говорится: «Саудовское общество основано на принципе приверженности Божественному учению, на взаимовыгодном сотрудничестве в благодеяниях и благочестии и взаимной поддержке и единстве» [23]. А гарантированные ею права человека государство «защищает в соответствии с шариатом» [23]. К шариату как к основе законодательства отсылает нас и Конституция Омана [24]. Конституция Французской республики предоставляет своим гражданам право на сопротивление угнетению [25]. Нигерийская Конституция прямо поощряет межэтнические и межрелигиозные связи [26]. А Конституция Эквадора гарантирует автономию университетов [27]. Примеров такого национального своеобразия можно приводить еще множество.

Ценностные основания государственности так или иначе закреплены во всех конституциях мира. Для выявления особенностей, характеризующих специфику нормативного отражения сущностных категорий, определяющих своеобразие государства, мы сравним конституции стран, принадлежащих к различным цивилизационным ареалам, а также в рамках одной цивилизационной системы.

Одной из наиболее ярких индикативных ценностей высшего порядка является отношение к Богу, поэтому подобное сравнение целесообразно будет провести на примере фундаментальной проблемы взаимоотношения общества, государства и религии.

Практически все страны Центральной и Южной Америки касаются в своих конституциях вопросов веры. В Преамбуле Конституции Эквадора, по поводу ее принятия, говорится: «Республика Эквадор от имени его народа призывает защиту Бога...» [27]. По этому поводу в Конституции Сальвадора можно прочитать: «Мы, представители Сальвадорского народа, собранные в учредительном собрании, основываясь на нашей вере в Бога...» [28]. Парагвайцы принимали Конституцию «через своих законных представителей, собравшихся в национальном учредительном собрании, уповая на Бога...» [29], в аналогичной ситуации перуанцы действовали, «призывая всемогущего Бога» [30], бразильцы в своем основном законе писали: «промульгируем под покровительством Бога

настоящую Конституцию» [31], Преамбула Аргентинской Конституции гласит: «уповая на милость Господа, источника всеобщего разума и справедливости» [32].

Еще одной общей тенденцией в конституционной практике этих стран является манифестация в качестве высшей ценности «объективно братского, плюралистического общества, основанного на социальной гармонии и уважении внутреннего и международного правопорядка с разрешением разногласий мирными средствами [33]. Но помимо общих черт мы можем наблюдать и различия. В Центральноамериканских странах, при уважении к Богу, существует достаточно нейтральное отношение к церкви. Только Конституция Коста-Рики признает католическую религию официальной и Конституция Панамы говорит об обучении католической религии в школе, на принципе добровольности [34]. Никарагуанская вводит запрет на доминирование любой религии, Сальвадорская, Гондурасская и Эквадорская конституции гарантируют свободу исповедования всех религий, а Конституция Венесуэлы вообще обходит вопрос веры полным умолчанием. Южноамериканские страны отдают более осязаемое предпочтение католичеству. В Конституции Парагвая существует особая статья «О признании католической церкви» [35]. Статья 5 Уругвайской Конституции говорит, что хотя государство и не поддерживает никакой религии, оно признает собственность католической церкви [36]. Конституция Боливии наделяет католическую церковь особой поддержкой [37]. Такое же положение и с Конституцией Колумбии, при этом только в ней есть специальный раздел «Религия и отношения между церковью и государством» [38]. Статья 2 Конституции Аргентины гласит: «Федерация исповедует римско-католическую религию» [39].

Вместе с тем крупнейшее государство региона – Бразилия не акцентирует на римско-католической церкви особого внимания, лишь наделяя ее правами юридического лица [40].

Приведенные примеры показывают, что в рамках одного цивилизационного ареала обнаруживаются как общие, так и специфические правовые черты, позволяющие говорить о возможности вариативности развития права в соответствии с национальными особенностями.

Иную парадигму развития конституционно-правового регулирования вопросов веры и вероисповедания предлагают государства, находящиеся в ареале исламской цивилизации Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии.

Все мусульманские государства Ближнего и Среднего Востока вне зависимости от формы правления достаточно «агрессивно» демонстрируют приверженность исламу. Наиболее радикальная здесь – Конституция Саудовской Аравии: «Королевство Саудовская Аравия суверенное исламское государство с религией – Ислам. Коран и Сунна его Пророка... являются его конституцией» [41]. Примерно такое же положение содержится и в Иранской Конституции: «Формой правления в Иране является Исламская Республика, основанная на давней вере иранского народа в верховенство и справедливость Корана» [42]. Первая статья Конституции Султаната Оман содержит положения о том, что он – «независимое арабское исламское суверенное государство» [43]. Положение развивается в статье 2: «Религия государства – ислам, шариат – основа законодательства» [43]. Сходное положение содержится в статье второй Конституции Республики Йемен [44]. Несколько иные конструкции предлагает Конституция Пакистана: «Ислам должен быть государственной религией Пакистана» [45]. Но до этого, в Преамбуле Конституции мы можем прочесть: «... Суверенитет во вселенной принадлежит Всемогущему Аллаху одному... Принципы демократии, свободы, равенства, терпимости и социальной справедливости должны быть полностью соблюдены так, как они изложены Исламом» [45]. Исламские государства этого региона (за исключением Саудовской Аравии и Ирана) гарантируют «свободу религиозного Самовыражения» [45], но при условии, «что это

не находится в противоречии с общепринятыми правилами поведения» [46]. При этом ислам все равно находится в привилегированном положении, и его проникновение во все сферы социально-экономических отношений значительно глубже, нежели в рассмотренных латиноамериканских странах (да и остальных странах мира тоже). «Народное хозяйство, – говорится в Конституции Республики Йемен, – должно быть сформировано на следующих принципах: 1. исламская социальная справедливость в производстве и социальных отношениях...» [47]. Положение о том, что «семья – ядро исламского общества, основанного на Исламской вере и повиновении Богу и его Пророку», закреплено в Конституции Саудовской Аравии [48]. Конституция Пакистана содержит специальную статью – «Исламский образ жизни» [49]: «1. Должны быть приняты меры, чтобы позволить мусульманам Пакистана индивидуально и всем вместе жить в соответствии с фундаментальными принципами и фундаментальными понятиями Ислама и должны создать условия, которые позволят им понять значение жизни согласно Святому Корану и Сунне. 2. Государство должно стараться, поскольку уважает мусульман Пакистана: а) сделать изучение Святого Корана обязательным, поощрять и облегчать изучения арабского языка, обеспечивать правильную и точную печать и публикацию Святого Корана; б). поддерживать единство и соблюдение Исламских моральных стандартов; с). Обеспечивать надлежащую организацию сбора религиозных налогов...» [50]. Особняком в этом ряду стоит Исламская Республика Иран. Конституция этой страны представляет собой сложный симбиоз принципов исламского фундаментализма и демократии с восточной спецификой. Практически все статьи этого документа так или иначе связаны с вопросами веры. Наглядным примером является выдержка из статьи 2: «Исламская Республика – это система, основанная на вере в: 1. Одного Бога («нет Бога, кроме Аллаха»). 2. Божественное откровение и его основополагающую роль в разработке этих законов. 3. Возвращение к Богу в дальнейшем и конструктивную роль этой веры в ходе восхождения человека к Богу»... [51] Иранская конституция наиболее жестко из всех исламских относится и к отправлению немусульманских религиозных культов: «Иранцы зороастрийского, иудейского и христианского вероисповедания являются единственно признанными религиозными меньшинствами, которые в пределах закона имеют право выполнять свои религиозные законы» [51]. Иначе обстоят дела в двух крупнейших исламских государствах Юго-Восточной Азии, Малайзии и Индонезии. «Ислам – религия Федерации, – говорится в Конституции Малайзии, – но и другие религии могут существовать в мире и гармонии в любой части Федерации» [52]. Влияние ислама здесь чувствуется только в норме, разрешающей правительству «основывать и поддерживать исламские заведения» [52]. Еще более либеральна в этом отношении «страна 7000 островов» – Индонезия, 90% населения которой составляют мусульмане. Бог (без указания на Ислам и учение Пророка Мухаммеда) упоминается в тексте несколько раз. «Благодать Бога Вседержителя, – читаем мы в Преамбуле, – побудила нас жить свободной национальной жизнью», [53] «суверенная Республика Индонезия... основывается на вере в одного Единого Бога» [53].

Свою специфику в вопросе отношения к религии имеют конституции стран Юго-Восточной Азии, население которых исповедует в основном Буддизм. Здесь так же, несмотря на разницу форм правления и политических режимов, конституции содержат упоминания о вопросах веры. Основным документом Народно-Демократической Республики Лаос констатируется, что «право многонационального народа быть хозяином в своей стране осуществляется и обеспечивается за счет функционирования политической системы с Лаосской народно-революционной партией в качестве ее ведущего ядра» [54]. Но при этом Конституция не забывает особо отметить: «Государство уважает и охраняет всю законную деятельность буддистов и других верующих, мобилизует и поощряет буддистских монахов и послушников, а также священников других религий к участию в мероп-

рияциях, полезных для страны и народа» [54]. Первая статья Конституции Королевства Камбоджа констатирует «главенства принципов либеральной демократии и плюрализма» [55]. И только в 43 статье обращается к вопросам веры: «Кхмерские граждане любого пола должны иметь право на свободу веры. Буддизм должен быть государственной религией» [55]. Еще один раз буддизм будет упомянут в связи с процессом образования: «Государство должно распространять и развивать школы... и буддийские институты» [55]. В Конституции Шри-Ланки содержится отдельный раздел «Буддизм», в нем содержится следующее утверждение: «Республика Шри-Ланка должна предоставить Буддизму главенствующее место, обязанность государства защищать и покровительствовать буддизму» [56]. Но эта декларация соседствует с запретом на дискриминацию по религиозному признаку [56] и утверждением того, что «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии ... человек один или вместе с другими имеет право конфиденциально или публично проявлять свою веру» [56]. Имеется в тексте упоминание о важности «религиозной гармонии» [56]. Несколько крупных государств региона в силу разных, но в целом политических причин, демонстрируют нарочитую отстраненность от вопросов веры. Конституция КНР поэтому по поводу говорит только: «Граждане КНР имеют свободу вероисповедания... государство охраняет свободное отправление религиозной деятельности [57]. Японская конституция также посвящает этому вопросу всего одну статью: «Свобода религии гарантируется для всех. Ни одна из религиозных организаций не должна получить от государства никаких привилегий и не может пользоваться политической властью... Государство и его органы должны воздерживаться от проведения какой-либо религиозной деятельности» [58].

Европейские конституции при констатации (в целом) светского характера государственности демонстрируют разнообразные конституционные конструкции, обозначающие отношения к вере и церкви. Наиболее радикальный подход демонстрирует в этом вопросе Франция: «Франция является неделимой, светской, демократической и социальной республикой. Она обеспечивает равенство перед законом всем гражданам, независимо от происхождения, расы или религии. Она уважает все верования», – говорится в 1-ой статье ее Конституции [59]. Основным закон Республики Германия предлагает более сложную конструкцию. В его Преамбуле упоминается, что немецкий народ дал себе настоящий Основной закон, «осознавая свою ответственность перед Богом и людьми» [60]. При этом Конституция гарантирует, что «Свобода вероисповедания, совести и свобода провозглашения религиозных и мировоззренческих взглядов ненарушимы. Беспрепятственное отправление религиозных обрядов гарантируется» [60]. Государство не связывает себя ни с одной из конфессий, но и не устраняется от процесса религиозного обучения: «Религиозное обучение является в государственных школах, за исключением неконфессиональных школ, обязательным предметом и без ущерба для права надзора государства религиозное обучение производится в соответствии с принципами религиозных общин. Ни один преподаватель не может быть обязан против своей воли вести религиозное обучение» [60]. В Конституции Итальянской Республики, напротив, ничего не говорится об обязательности религиозного обучения. «Государство и Католическая церковь, – констатируется в статье 7, – независимы и суверенны в принадлежащей каждому из них сфере» [61]. Особое упоминание католической церкви не умаляет того факта, что «все религиозные вероисповедания в равной мере свободны перед законом» [61]. Еще несколько европейских государств, не наделяя какую-либо религию особыми преференциями, обращаются в преамбулах своих конституций к идее Бога. Албанская Конституция принялась: «С верой в Бога и (или) другие всеобъемлющие ценности» [62]. В Конституции Ирландии по поводу ее принятия говорится: «Во Имя Пресвятой Троицы, от которой исходят все власти и к которой, как к нашей последней надежде, должны быть направлены

все действия человека и Государства, мы, народ Эйре, смиренно признавая все наши обязанности перед нашим Священным Господом Иисусом Христом, который поддерживал наших отцов в стольких испытаниях...» [63]. Преамбула Конституции Швейцарии начинается со слов: «Во имя Всемогущего Бога! Швейцарский народ и кантоны, чувствуя ответственность перед творением...» [64]. Ввиду многообразия форм взаимоотношений, государства и религиозных объединений в Европе, некоторые основные варианты могут быть обозначены пунктирно. Конституции Болгарии, Латвии, Македонии, Молдавии, Португалии, Словении, Украины, Хорватии провозглашают отделение церкви от государства. При этом Албания, Беларусь, Ирландия, Литва, Словакия, Украина, Эстония, Россия вводят запрет на доминирование какой-либо религии. Вместе с тем Молдавия и Болгария упоминают православие в качестве традиционной религии.

В части европейских стран, напротив, религии придается официальный статус. В одном из конституционных актов Великобритании читаем: «Государь наследующий... на королевском престоле Великобритании должен все последующее время, при его или ее восшествии на престол дать клятву и письменное обязательство, что он будет нерушимо поддерживать и охранять изложенное выше установление истинной протестантской религии и порядок управления, богослужения, благочиния правами и привилегиями этой церкви» [64]. Статья 2 Конституции Норвегии гласит: «Евангелическо-лютеранская религия является официальной государственной религией. Исповедующие ее жители должны воспитывать в ней своих детей» [65]. Конституция Республиканской Греции закрепляет не только религиозные предпочтения, но и элементы культа: «Господствующей в Греции религией является религия восточно-православной Церкви Христовой. Текст Священного Писания сохраняется неизменным. Официальный его перевод на какой-либо другой язык без разрешения Автокефальной церкви Греции и Великой Константинопольской Церкви Христовой запрещается» [66]. Еще дальше в этом отношении идет Конституция Мальты: «Религия Мальты является римская католическая апостольская религия. Органы Римской Католической Апостольской Церкви обязаны и имеют право учить, какие принципы справедливы и какие ошибочны».

Особый случай представляет собой Израиль. Это государство имеет республиканскую форму правления, демократический политический режим, гарантирует своим гражданам соответствующий требованиям международных соглашений набор прав и свобод. Некоторые исследователи включают его в ареал европейской культуры. Но Израиль не имеет конституции (в стране действуют «конституционные законы»), причем именно по религиозным соображениям. Согласно представлениям ортодоксальных иудеев, Основной закон уже был дан евреям в виде заповедей Божьих Моисею.

Проведенное сравнение достаточно наглядно доказывает выдвинутую нами в начале исследования гипотезу. В этих примерах мы можем видеть и реализуемую в праве разницу в цивилизационных подходах к проблеме роли Бога и церкви в жизни государства, и страновые особенности, показывающие своеобразие национальных культур, в рамках одной цивилизационной модели.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Национальные парламенты мира: Энциклопедический справочник. М., 2000.
2. Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М., 1998.
3. Якунин В. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход// Власть. № 3. 2007.
4. Конституция Индии. 1959 г.
5. Конституция Республики Йемен. 1991 г.
6. Конституция Саудовской Аравии. 1992 г.

7. Белая Книга. Основной Закон Султаната Омана. 1996 г.
8. Конституция Федеральной Республики Нигерия. 1999 г.
9. Конституция Японии. 1945 г.
10. Конституция Французской Республики. 1958 г.
11. Конституция Королевства Норвегия. 1814 г.
12. Конституция Соединенных Штатов Америки. 1788 г.
13. Конституция Королевства Нидерланды. 1815 г.
14. Конституция Бельгии. 1831 г. (действующая редакция 1994 г.)
15. Конституция Аргентинской Нации. 1853 г.
16. Политическая Конституция Республики Боливия. 1967 г.
17. Конституция Египта. 1971 г.
- 18 Конституция Королевства Марокко. 1972 г.
19. Конституция Французской Республики. 1958 г.
20. Основной закон Федеративной Республики Германия. 1949 г.
21. Конституция Королевства Камбоджи. Ст. 1. Главы 5, 6.
22. Конституция народно-демократической республики Лаос. 1994 г. Гл. 2. Ст. 19.
23. Конституция Королевства Саудовская Аравия. 1992 г. Ст.11.
24. Белая Книга. Основной Закон Султаната Омана. 1996 г. Ст. 2.
25. Конституция Французской Республики. 1958 г. Преамбула.
26. Конституция Федеративной республики Нигерии, 1989 г. Ст. 16, П. 3 с.
27. Политическая конституция Республики Эквадора. 1996 г. Ст. 41.
28. Политическая конституция Республики Сальвадор. 1983 г.
29. Конституция Республики Парагвай. 1992 г.
30. Политическая Конституция Перу. 1993 г.
31. Конституция Федеративной Республики Бразилия. 1988 г.
32. Конституция Аргентинской нации. 1875 г.
33. Конституция Соединенных Штатов Бразилии. 1946 г. Преамбула.
34. Политическая конституция Республики Коста-Рика. 1949 г.; Политическая конституция Республики Панамы. 1972 г. Ст. 24.
35. Конституция Республики Парагвай. Ст. 24.
36. Конституция Республики Уругвай. 1996 г.
37. Политическая конституция Республики Боливия. 1967 г.
38. Политическая конституция Республики Колумбия. 1991 г.
39. Конституция Аргентинской нации. 1875 г.
40. Конституция Федеративной Республики Бразилия. 1988 г.
41. Основной закон правления Королевства Саудовская Аравия. 1992 г. ст.1.
42. Конституция Исламской Республики Иран. 1979 г. Ст. 1.
43. Белая Книга. Основной закон Султаната Оман. 1996 г. Ст. 1.
44. Конституция Республики Йемен. 1991 г. Ст. 2.
45. Конституция Исламской Республики Пакистан. 1973 г. Ст. 2
46. Белая Книга. Основной закон Султаната Оман. 1996 г. Ст. 28.
47. Конституция Республики Йемен. 1991 г. Ст. 6.
48. Основной закон правления Королевства Саудовская Аравия. 1992 г. Ст. 9.
49. Конституция Исламской Республики Пакистан. 1973 г. Ст. 31.
50. Конституция Исламской Республики Иран. 1979 г. Ст.1.
51. Конституция Малайзии. Ст. 13.
52. Конституция Республики Индонезии. 1945 г. Преамбула
53. Конституция Народно-Демократической Республики Лаос. 1991 г. Ст. 3
54. Конституция королевства Камбоджа. Ст. 1.

55. Конституция Демократической социалистической республики Шри-Ланка. 1978 г. Ст. 7. п.1.
56. Конституция Китайской Народной Республики. 1982 г. Ст. 36.
57. Конституция Японии. 1945 г. Ст. 20.
58. Конституция Французской Республики. 1958 г. Ст. 1.
59. Конституция Федеративной Республики Германии. 1949 г. Преамбула.
60. Конституция Итальянской Республики. 1947 г. Ст. 7.
61. Конституция Республики Албания. 1998 г. Преамбула.
62. Конституция Ирландии. 1973 г. Преамбула.
63. Конституция Швейцарской Конфедерации. 2000 г. Преамбула
64. Акт о соединении с Шотландией. 1707 г.
- 65 Конституция Королевства Норвегия. 1814 г. Ст. 2.
66. Конституция Греции. 1973 г. Ст. 3. п. 1-2.